

К ВОПРОСУ О КАЗАЧЬЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬ ЧЕБАРКУЛЬСКОЙ ОКРУГИ¹

В настоящее время в отечественной исторической науке остаются актуальными вопросы заселения и хозяйственного освоения юго-восточных окраин Российского государства в XVII–XIX вв. Данные процессы растянулись на несколько столетий, что было связано в первую очередь с открытым противодействием местных народов проникновению в регионы новой российской администрации, а вместе с тем и многочисленных переселенцев. Здесь же географически обрисовывались определенные очаги напряженности и открытых конфликтов между новопоселенцами и местными жителями. Споры были связаны в основном с правами на землю.

Анализ историографии вопроса показал, что одной из мало изученных проблем истории земельных отношений в Южно-Уральском регионе являются земельные споры башкир, мещеряков и оренбургских (исетских) казаков. На фоне нарастающего интереса общественности к региональной истории и культуре, а особенно к межнациональным и межкультурным взаимодействиям, данная работа может выполнить общую научно-просветительскую функцию. Тем более что специального исследования вопроса земельных споров оренбургских (исетских) казаков и местного башкиро-мещеряцкого населения до настоящего времени не проводилось.

Стоит отметить, что с момента формирования фонда земельных владений казаков Исетско-Уйского междуречья появляются обоюдные жалобы казаков и местных башкир Каратабынской, Баратабынской и других волостей. В частности, в «Деле по предложению Г. Военного Губернатора о спорах Башкирцов 5 кантона с казаками Оренбургскаго войска станиц Мияской, Челябинской, Еткульской и Чебаркульской в поземельных выгодах», обнаруженного в Центральном историческом

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).

архиве Республики Башкортостан (далее ЦИА РБ), излагается суть конфликта башкир 5-го кантона (поверенным от башкир выступал начальник 5-го башкирского кантона Кучуков) с казаками Оренбургского войска Исетской Провинции (представителем от казаков был назначен управляющий 2 кантона Оренбургского войска есаул Авдеев). В документе речь шла и о землях, приписанных к Чебаркульской крепости [12, л. 1–3].

Из исторических источников мы узнаем, что земля, на которой была построена весной 1736 г. Чебаркульская крепость, принадлежала вотчинникам башкирам Каратабынской и Баратабынской волостей. От башкир земля перешла в казну для заведения вышеупомянутой крепости, за что их старшине Таймасу Шаимову с детьми и внуками по Именному Высочайшему Повелению было дано тарханское звание. При этом за переданную землю он и «его товарищи» освобождались от уплаты в казну ежегодного ясака. В 1740 г. для упорядочения прикрепостного землепользования на чебаркульскую землю была составлена межевая книга и план [13, л. 1–1об.].

Несмотря на все проведенные согласования и законное утверждение границ крепостной территории исключить в дальнейшем земельных споров не удалось. В частности, во второй половине XVIII в. начался конфликт из-за частых потрав башкирскими лошадьми казачьих посевов и луговых мест. Еще задолго до этого башкиры требовали допустить на луговые места Чебаркульской округи лошадей Каратабынских и Баратабынских волостей. В своих изъяснениях башкиры часто ссылались на три указа (от 20 августа 1739 г., от 7 марта 1740 г. и от 31 мая 1740 г.), в которых описывались условия строительства крепостей на башкирских землях. В данных документах утверждалось, что казаки «не должны чинить препятствий башкирам в пользовании прикрепостных земель» [12, л. 1–3об.].

В свою очередь чебаркульские казаки имели свои доводы. В официальных документах отмечалось, что по указу от 7 марта 1740 г., который последовал из Канцелярии Оренбургской комиссии в Исетскую провинциальную канцелярию и был утвержден Именным указом от 31 мая 1740 г. [5, с. 134], башкирам запрещалось выпускать своих лошадей на казачьи земли, так как арендная плата к этому времени уже была произведена. Тем более в 1740 г. все земли при данных крепостях были размежеваны и башкиры с результатами разграничения были согласны. Чтобы избежать конфликтной ситуации, власти предложили провести повторное межевание. При этом приказывалось не трогать башкирские

земли, принадлежащие им по закону. Так же предписывалось не нарушать право местных башкир пользоваться землей, которая была сдана им в аренду. Для окончательного разграничения земельного фонда Чебаркульской крепости было дано поручение, составить подробные карты размежевания и раздать их коменданту крепости, а так же бывшему владельцу данных земель Таймас-тархану Шаимову.

В начале XIX столетия проводится несколько повторных размежеваний, о чем еще будет сказано ниже, после которых башкирам было запрещено пользоваться прикрепостными землями. В ответ башкирами Чебаркульской округи был подан судебный иск. По результатам разбирательства 14 марта 1822 г. Челябинский земский суд предписал разрешить башкирам пасти своих лошадей в зимнее время «на казачьих дачах как на прежней своей земле, уступленной для постройки крепостей» [12, л. 4, 5об., 7об.–9об.]. 31 декабря 1826 г. Челябинский уездный суд в свою очередь так же выдал башкирам разрешение на пользование пастбищными угодьями чебаркульских казаков [13, л. 4–5об.].

В том же 1826 г. Челябинским уездным судом, опираясь на указ от 31 мая 1740 г., предписывалось всем крепостным жителям, в том числе и казакам, свои земли огораживать. В свою очередь башкирам запрещалось пускать свой скот на казачьи земли «во избежание потрав». Также был определен размер штрафа за нарушение земельных прав местного башкирского населения [13, л. 2–2об.]. 12 августа 1829 г. за подписью Оренбургского военного губернатора П. К. Эссена последовало последнее предписание по данному делу, где еще раз было прописано мнение о недопустимости взаимных нарушений в пользовании земельными владениями [12, л. 15].

В конце 1820-х — начале 1830-х гг. башкиры Каратабынской и Баратабынской волостей и чебаркульские казаки несколько раз посылали взаимные жалобы, обвиняя друг друга в незаконном хозяйственном использовании соседних участков. В итоге 15 мая 1831 г. из Оренбургской палаты Гражданского суда Министерства Юстиции последовало «Определение за № 1684», в котором содержалось распоряжение «вплоть до окончания работы межевой Комиссии разрешить чебаркульским казакам и башкирам пользоваться спорными землями совместно с исключением какого-либо насилия». Так же башкирам и казакам запрещалось пользоваться чужими землями для различных промыслов. Таким образом, еще раз подтверждалась все пункты указов 1740 г. [13, л. 2об. –3об.].

Несмотря на это башкиры опять попытались решить эту проблему через судебные органы. После долгого разбирательства, суд под пред-

седательством заседателя Ивана Котельникова пришел к выводу, что допуск башкир на чебаркульские земли «был бы серьезным для казаков стеснением» и к тому же послужил бы поводом к новым взаимным жалобам. Поэтому, на основании указов от 7 марта 1740 г., 31 мая 1740 г. и 14 января 1818 г., а так же согласно распоряжениям Оренбургского военного губернатора и Губернского правления, судебные органы постановили оставить в силе все прежние указы, относительно пользования чебаркульскими землями. При этом решение Челябинского уездного суда от 31 декабря 1826 г. «о допуске башкир для пастьбы своего скота на земли чебаркульских казаков было отменено как не правильное и противное вышеприведенным указам» [13, л. 3об.–5].

Дело окончательно было завершено только в 1844 г. с подтверждением всех прав на земли чебаркульских казаков. Это подтверждается рапортом Челябинского земского суда в Оренбургское губернское правление за № 529 от 8 февраля 1844 г. [13, л. 21–22].

В 1843 г. возник еще один земельный спор, связанный с чебаркульскими казаками. В данном случае казаки судились с Миасским заводом по поводу казачьих земельных участков отошедших в собственность завода. Сделка проводилась в конце 1830-х гг., но в начале 40-х гг. казаки потребовали провести повторную хозяйственную съемку отошедших к заводу земель, так как были уверены в ее не точности [4, л. 1–6]. В большом деле, обнаруженном в ЦИА РБ, озаглавленном как «Переписка с губернским землемером об отмежевании земли для Миасского завода от казаков Чебаркульской станицы (08.04.1843 – 18.08.1848)» сохранилась копия межевой карты с границами, утвержденными Челябинским уездным землемером Львовским («Абрис части межи участка, отходящего к Миасскому заводу из Чебаркульской казачьей дачи, утвержденной 30 прошедшаго ноября 1844 г. Землемером Львовским на которую, по не согласности ее с планом спорного участка, с казачьей стороны объявлен спор. Составленный с ходов Землемера Львовского Войсковой чертежной Урядником Кручининым» Масштаб: в английских дюймах 200 сажень). На данной карте землемером Львовским дано «изъяснение границ» проведенных между Чебаркульской станицей и Миасским заводом. Здесь же отдельно выделены земли, из-за которых разгорелся спор. Это участок от озера Большой Кисягяч до озера Елового. И некоторые участки по границе южнее Елового озера [23, л. 1–67].

По границам определенным Львовским, к Миасскому заводу отошло 13827 десятин Чебаркульских казачьих дач, за которые казакам предполагалось уплатить деньги из государственной казны. Здесь же сообщает-

ся, что в 1837 г. размежеванием Чебаркульских казачьих дач и смежных с ними земель станицы Кундравинской занимался землемер Федоров, но, к сожалению, он не ограничил данные участки межевыми столбами, что впоследствии стало причиной спора чебаркульских казаков относительно отмежеванных Львовским земель Миасскому заводу [23, л. 68].

После всех выяснений обстоятельств межевания 1844 г., для повторно-го определения количества десятин земли отошедших Миасскому заводу был назначен землемер Васильев. В итоге, уже в 1848 г., после очередного замера казачьих земель отошедших Миасскому заводу выяснилось, что в общей сложности от чебаркульских дач отрезано не 13827 десятин, а 17346. По заключению губернского землемера, количество земли отошедшей к заводу, было занижено, и выплаты казакам необходимо было изменить, что и было сделано в начале 1850-х гг. [23, л. 111, 176].

Другой проблемой для губернского начальства оказался вопрос расширения казачьих земельных владений в регионе. Как известно, в XVIII в. на территории Исетской провинции появляется значительное количество башкирских и мещерякских деревень, что привело к необходимости упорядочения местного землепользования. В частности было проведено межевание, которое должно было в будущем исключить взаимные претензии жителей края. Но, к сожалению, данные мероприятия не привели к желаемым результатам. К тому же башкиры и мещеряки стали обвинять в том, что они незаконно поселились на казачьих землях. Как результат, в начале XIX в. Войсковое правление Оренбургского казачьего войска пытается проводить мероприятия по исключению чересполосного казачьего землевладения в Исетско-Уйском междуречье.

Из архивных источников мы узнаем, что во второй половине XVIII в. в Чебаркульской округе располагалось шесть башкирских деревень (Тупашева, Аджитарова, Ишбулатова, Петрушкина, Кызылбаева и Асылгужина)¹, не считая мелких поселений, административно относящихся к Айлинской, Каратабынской и Баратабынской волостям (после введения в действие нового Положения Оренбургского казачьего войска 1840 г. эти деревни оказались на территории Полка № 7). По итогам размежеваний 1800, 1811, 1815 гг. Оренбургская межевая кантора подтвердила права башкир на их земли, а уже в 1816 г. почему-то вынесла решение о выселении их с казачьих земель. За этим последовали долгие шестнадцать лет разбирательств и только в 1833 г. жителям данных деревень объявили, что по Повелению от 7 декабря 1832 г. (№ 2414), они

¹ В разное время данные деревни имели различное написание.

подлежат выселению, так как «поселились на данных землях самовольно». Не смотря на это, в том же году башкиры просят оставить их на прежних местах жительства [14, л. 4об.]. При этом отметим, что в период с 1816 г. по 1832 г. продолжались многочисленные земельные споры между местными башкирами и чебаркульскими казаками.

В прошении жителей шести деревень 4-го и 5-го башкирских кантонов Айлинской волости от 30 марта 1833 г., адресованного Оренбургскому военному губернатору графу П. П. Сухтелену, содержится просьба об оставлении их на прежних местах жительства. После разбирательства оказалось, что башкиры данных деревень, жили здесь издревле, возможно еще до «заведения Чебаркульской, Коельской и прочих казачьих и линейных крепостей». Местные башкиры сообщали, что эта земля была «уступлена под строительство данных крепостей их старшиной Тарханом Таймасом Шаимовым с согласия нашего и других вотчинников башкирцев Императорскому Величеству, из верноподданческого послушания и всеуважения; и отнюдь не самовольно, остались при отводе крепостном по определению бывшей Оренбургской Губернской канцелярии 1757 г. генваря 20-го дня, в присутствии Господина Тайнаго Советника и ковалера и бывшего Оренбургскаго губернатора Ивана Ивановича Неплюева Учиненному, коим велено всем нашим деревням быть на тех местах, где мы теперь находимся; А казакам тою Губернскою Канцелярией, Господином Оренбургским Губернатором Давыдовым, накрепко было подтверждено, чтобы нам, как не правильно размежеванным в их отводы, никаких притеснений не чинить, и с жительства нас отнюдь не ссылатъ, чтоб предки наши и мы не потерпели от того крайняго разорения. После того уже находились без малейшаго между ними, Чебаркульской и Коельской крепостей казаками спору до Генерального Межевания» [14, л. 4–4об.].

Дело о выселении башкирских деревень с территории Чебаркульской округи затянулось, так как не было соответствующей законодательной базы. Ситуация изменилась после утверждения нового Положения Оренбургского казачьего войска 12 декабря 1840 г., где были определены правила касающихся башкирских земель, вошедших в общую войсковую территорию и решена судьба проживающего там инородческого контингента. В частности, башкирам Чебаркульской округи так же было предписано переселиться на другие земли. Но перед этим Оренбургское войсковое начальство должно было «учинить спрос у тех башкир», не желают ли они поступить на службу в Оренбургское казачье войско и остаться на прежних местах жительства [6, с. 798, 801].

Начальник штаба Оренбургского казачьего войска полковник Геке в рапорте Оренбургскому военному губернатору от 30 октября 1843 г. за № 5043 сообщал о том, что башкир Каратабынской и Баратабынской волостей, отказавшихся вступать в войско и продолжающих проживать на землях Полка №7 Оренбургского войска, насчитывалось 754 человек. Он так же отмечал, что потенциальные переселенцы «чинят различные разорения местным казакам». Полковник Геке просил ускорить поиск земель для переселения данных башкир. В итоге в 1844 г. башкирам 5-го кантона (Каратабынской, Баратабынской, Айлинской и Куваканской волостей) были подобраны земли в Челябинском уезде [15, л. 45–49].

Все мероприятия по ликвидации чересполосицы казачьих земель Чебаркульской округи должны были завершиться в трехлетний срок. Как итог, в 1846-1847 гг. в Управление Оренбургского военного губернатора и Командира Отдельного Оренбургского корпуса поступают многочисленные просьбы от жителей башкирских деревень Полка № 7 о переводе из Башкиро-Мещерякского в Оренбургское войско. Причиной этому послужило нежелание местных башкир уезжать с обжитых мест.

В рамках утверждения нормативно-правовой базы, регламентирующей процедуру зачисления в казачьи войска Урала инородцев, 14 августа 1848 г. подписывается Именной указ, по которому разрешалось зачислять в «Оренбургское и Уральское казачьи войска башкир, киргиз-кайсаков и других азиатов» [7, с. 514]. Немного ранее, в сентябре 1846 г. жители башкирских деревень Тупашевой, Аджитаровой и Кызылбаевой (Казыбаевой), в числе 274 душ м.п., выйдя из состава Башкиро-Мещерякского войска, были зачислены в Оренбургское казачье войско «с оставлением на прежних местах» [16, л. 1–2об., 5; 17, л. 1–1об.; 18, л. 1–5]. А вот жители деревни Петрушкиной и Асылгужиной, отказавшись от казачьей службы, добровольно переселились в 4-й Западный башкирский кантон (1-й юрт) Айлинской волости. На правом берегу реки Ай им были выделены земли под строительство и угодья. Часть башкир из Петрушкиной и Асылгужиной, пожелавших остаться на прежних местах жительства, были переведены в Токтубаевский отряд [10] с зачислением в Оренбургское казачье войско [190, л. 1–1об., 3–3об., 4–5, 17; 20, л. 1–1об., 3–4; 21, л. 1–2; 23, л. 3–11]. До конца не ясной осталась судьба башкир деревни Ишбулатовой, которая находилась в непосредственной близости от Токтубаевского яма. Возможно, что большая часть ишбулатовцев была причислена к Токтубаевскому отряду с зачислением в Оренбургское войско. Отметим, что все башкирские населенные пункты Чебаркульской округи в 1840-х гг. были

административно приписаны ко вновь созданной Травниковской станции [11]. Итогом объединения в границах новой станции нескольких населенных пунктов послужило проведение межевания и составления «Плана станции Травниковской с поселками» [3, л. 1].

Статистические данные первой половины 1850-х гг. подтверждают сведения о том, что в составе Травниковской станции числился отряд Токтубаевский, а так же выселки Казбаева, Аджитарова и Тупашева. В 1855 г. на территории Полка № 7 Оренбургского казачьего войска действовало четыре мечети, при которых служили четыре имама и азанчей. Всего в Травниковской станции насчитывалось 424 прихожан мужского пола [1, л. 24].

Таблица 1

Численность мечетей, священнослужителей и мусульманского населения Травниковской станции Оренбургского казачьего войска (1853–1855 гг.)

№	Населенный пункт	Место-положение	Число прихожан м.п.	Число священно-служителей		Мечети
				Имам	Азанчей	
1	Выселок Аджитаров	при оз. Бишкиль	67	1	1	1
2	Выселок Казбаев (Казыбаев)	при р. Сухарыжа	146	1	1	1
3	Выселок Тупашев (Тапашев)	при оз. Катор-куль	64	1	1	1
4	Отряд Токтыбаевский (Токтубаевский)	при р. Биргилда	147	1	1	1
Итого:			424	4	4	4

В последующие 10 лет ситуация не изменилась. Численность башкирского населения Травниковской станции увеличилась, но при этом уменьшилось количество мечетей (в Тупашево мечеть к этому времени уже не действовала) [9, с. 57–58].

Из статистических источников последующих лет мы узнаем, что к концу 1870-х гг. в Травниковской станции уже не числился выселок Тупашев [2, с. 18], а в начале XX в. из списка населенных мест Оренбургского казачьего войска исчезает Токтубаевский отряд [8, с. 244–245].

Таким образом, можно утверждать, что с момента построения Чебаркульской крепости начинаются земельные споры чебаркульских казаков с местными башкирами. Большая часть проблем сводилась к ведению различных промыслов в чужих владениях и незаконных поправ. После целого ряда официальных жалоб с обеих сторон власти попытались решить проблему путем размежевания земельных владений Чебаркульской округи и строгого запрета крепостным жителям и башкирам нарушать обозначенные границы. Данные мероприятия не привели к ожидаемому результату. Как итог, в первой трети XIX в. проводится серия судебных разбирательств, где были приняты во многом противоречивые решения, в частности, дающие право башкирам пользоваться казачьими землями Чебаркульской округи и наоборот. После долгих разбирательств, некоторые решения Челябинского уездного суда были отменены в пользу чебаркульских казаков.

Таблица 2

Населенные пункты Травниковской станицы Оренбургского казачьего войска с башкирским мусульманским населением (1865–1866 гг.)

№	Населенный пункт	Место-положение	Число дворов	Число жителей		Мечети
				М.п.	Ж.п.	
1	Выселок Аджигаров	при оз. Бишкиль	29	87	75	1
2	Выселок Казбаев (Казыбаев)	при р. Сухарыжа	65	137	152	1
3	Выселок Тупашев (Тапашев)	при оз. Катойкуль	26	68	96	—
4	Отряд Токтыбаевский (Токтубаевский)	при р. Биргилда	88	241	233	1
Итого:			208	533	556	3

Последним земельным спором чебаркульских казаков оказался спор с Миасским заводом, который в конце 1830-х гг. выкупил часть казачьих земель Чебаркульской округи под заводские нужды. В последствии оказалось, что размежевание было проведено с нарушениями, и количество отрезанной земли от казачьих дач было значительно занижено. В итоге принимается решение о выплате чебаркульским казакам полной стоимости отошедшей Миасскому заводу земли.

После расширения Чебаркульских владений и утверждения в 1840 г. нового Положения об Оренбургском казачьем войске, остро встал вопрос о ликвидации чересполосного казачьего землевладения Чебаркульской округи. На данной территории оказалось шесть деревень с башкирским населением, которые обязаны были сделать выбор между службой в Оренбургском войске или переселением на новые места жительства. В итоге, три башкирские деревни (Казбаева, Аджитарова и Тупашева) были оставлены на прежних местах с зачислением в казачье сословие. Еще три башкирские деревни (Ишбулатова, Асылгужина и Петрушкина) подлежали выселению в Айлинскую волость на земли 4-го Западного кантона. Часть башкир, не пожелавших покинуть обжитые места, были приписаны к Токтубаевскому отряду Травниковской станицы Оренбургского казачьего войска.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.6. Оп. 12. Д. 772.
2. Действующие в иррегулярных войсках постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 4: Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское и Амурское казачьи войска. СПб.: Издание Управления Иррегулярных войск, 1878. 590 с.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-87. Оп. 1. Д. 49.
4. ОГАЧО. Ф.И-113. Оп. 1. Д. 258.
5. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. XI (1740–1743). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 988 с.
6. ПСЗРИ. Собр.2. Отд.1. Т.XV (1840 г.). Ч.1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841. 855 с.
7. ПСЗРИ. Собр.2. Отд.1. Т.XXIII (1848 г.). Ч.1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1849. 664 с.
8. Список населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург: Типо-литография Губернского Правления, 1901. 251 с.
9. Список населенных мест по сведениям 1866 г. Оренбургская губерния. Т.XXVIII. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1871. 222 с.
10. Токтубаевский (Токтыбаевский) отряд — возник на почтовом тракте Верхнеуральск–Челябинск как почтовая станция Токтубаевский ям. На этом месте до этого находилась башкирская оседлость Токтубай. Впоследствии Токтубаевское поселение, под названием Токтубаевский отряд, вошло в состав Оренбургского казачьего войска.
11. Травниковская станица — бывшая почтовая станция Травники, впоследствии ставшая селом. В 1840-х гг. Травники зачислены в состав Оренбургского казачьего войска став центром Травниковской станицы.

12. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф.И–1. Оп.1. Д.874.
13. ЦИА РБ. Ф.И–1. Оп.1. Д.1087.
14. ЦИА РБ. Ф.И–1. Оп.1. Д.1154.
15. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5140.
16. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5773.
17. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5789.
18. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5825.
19. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5949.
20. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.6046.
21. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.6065.
22. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.8845.
23. ЦИА РБ. Ф.И–6. Оп.1. Д.205.

С. Н. КУЧЕВАСОВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ НАГАЙБАКОВ

Развитие и сохранение любой национальной культуры на современном этапе связано с нахождением адекватных механизмов ее трансляции, с действенностью живых традиций. С решением этих проблем связан возросший интерес к истории национальной традиционной культуры. В условиях полиэтничности, многоязычия и полиментальности российского социума актуальны проблемы сохранения народной культуры субэтносов. Исходя из этих позиций, казачество (и, в большей степени, — оренбургское казачество) — это уникальный опыт сосуществования в едином пространстве и социуме различных по языку, вероисповеданию, национальности, конфессии групп людей, объединенных скрепляющим раствором единой цели и патриотической идеи служения Российскому государству. В имперский период в Оренбургском казачьем войске сосуществовали представители различных национальностей, вероисповеданий и конфессий, представляя таким образом уникальный феномен толерантности народов ради единой цели. Войско существовало в таком многообразии без конфликтов, причем, каждая этническая группа в составе многонационального Оренбургского казачьего войска сохраняла свою этническую идентичность и особенности культуры в полной мере. Эта идея толерантного уважения и существования этниче-